

Научная статья
УДК 811.512.141
DOI: 10.18101/2305-459X-2020-4-151-158

ОТРАЖЕНИЕ БАШКИРСКО-МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ В ЛЕКСИКЕ БАШКИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

© Кульсарина Гульнур Галинуровна

доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Россия, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, 71
kulsarina.g@mail.ru

Аннотация. Словарный фонд фольклорных текстов богат и разнообразен. Он включает всю совокупность средств башкирского языка, в том числе диалектных и заимствованных. Большой пласт лексики фольклорных произведений составляют, безусловно, общеупотребительные слова в своем прямом значении, которые активно используются как в устной, так и в письменной речи. Нейтральные слова и выражения способствуют тому, чтобы фольклорные тексты стали общепонятными и подлинно народными. В то же время в народных текстах активно употребляются создающие своеобразный стиль и поэтику фольклорного произведения диалектизмы, фразеологизмы, мифологизмы и заимствования. На протяжении всей истории своего существования контакты тюркских языков с другими языками мира привели к обогащению словарного состава языков за счет заимствований и калькирований. Башкирский язык не стал исключением. В нашей работе мы рассматриваем отражение башкирско-монгольских языковых связей в языке текстов башкирского народного творчества, исходя из семантического разряда провели их классификацию.

Ключевые слова: башкирско-монгольские параллели; монголизмы; башкирское народное творчество; этимология; этнолингвистика.

Для цитирования

Кульсарина Г. Г. Отражение башкирско-монгольских языковых связей в лексике башкирского фольклора // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2020. Вып. 4. С. 151–158.

Язык башкирского народного творчества всегда был в центре внимания исследователей. Если фольклористы обращались к нему при изучении стиля и поэтики произведений устного творчества, то языковеды приводили примеры из фольклорного текста в качестве иллюстративного материала для подтверждения своих положений по истории, лексикологии и синтаксису башкирского языка. В отличие от художественных и публицистических произведений, фольклорные тексты представляют собой стабильный источник, отражающий общенародный обиходный язык. Известный тюрколог Дж. Г. Киекбаев, определяя развитие башкирского литературного языка, отметил: «В процессе развития литературных языков и в становлении их норм, в изучении истории развития литературного языка, несомненно, народный язык может стать основой, потому что современный башкирский язык своими корнями, по сути, сплетается с башкирским народным языком, и лексико-грамматические орфографические

нормы литературного языка заложены в народном языке» [10, с. 20]. Наибольшую актуальность в современной науке приобретает изучение лексико-семантических, морфологических, стилистических и поэтических особенностей текстов фольклора, предполагающее не только выявление стиля народных текстов, но и определение факторов, обуславливающих данную специфику, в частности базовых стилевых черт фольклорного текста. На формирование лексических особенностей фольклорного текста большое влияние имел целый комплекс факторов, среди которых основные — это общественная роль фольклора, коллективный характер народного творчества, влияние коммуникативного акта в условиях естественной коммуникации, особенности фольклорной идейно-эстетической макросферы, характеризующейся специфическим способом эстетического освоения действительности, основным критерием которого является соответствие традиционной культурной норме, идеалу. «Словарный фонд башкирских фольклорных текстов богат и разнообразен. Он включает всю совокупность средств башкирского языка, в том числе диалектных и заимствованных. Большой пласт лексики фольклорных произведений составляют, безусловно, общеупотребительные слова в своем прямом значении, которые активно используются как в устной, так и в письменной речи. Нейтральные слова и выражения способствуют тому, чтобы фольклорные тексты стали общепонятными и подлинно народными» [12, с. 244]. В то же время в народных текстах активно употребляются создающие своеобразный стиль и поэтику фольклорного произведения заимствования, на изучение которых в данной статье делается основной акцент.

О фольклорной семантике писали многие ученые. По справедливому утверждению А. Т. Хроленко, «на характер языка фольклора влияют многие факторы, в том числе и факторы многоязычности населения той или иной территории» [14, с. 87]. На протяжении всей истории своего существования контакты тюркских языков с другими языками мира привели к обогащению словарного состава языков за счет заимствований и калькирований. Слова, общие для башкирского, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, впервые были изучены профессором Дж. Г. Киекбаевым в научном труде «Основы исторической грамматики урало-алтайских языков» [9, с. 10]. В монографии «Историческое развитие лексики башкирского языка» профессор Э. Ф. Ишбердин отмечает: «Предварительное сравнение общих для тюркских и монгольских языков лексических единиц показывает, что из тюркских языков башкирский, татарский, казахский, киргизский, каракалпакский и в своеобразной форме чувашский стоят обособленно по степени усвоения монгольских слов. Кроме общих для всех тюркских языков монголизмов, в указанных языках имеются явные заимствования, видимо, более поздние, из монгольского и калмыцкого языков» [8, с. 33]. О том, что в этногенетическом процессе башкиры активное участие принимали и монгольские племена, свидетельствуют исследования диалектолога Н. Х. Максютковой. «Нет сомнений, что этноним *сальют* монгольского происхождения», — пишет ученый. Сохранившиеся названия родовых подразделений племени *сальют*, *орагый*, *орхан*, *мэркэт*, *шумыр*, *шумых* генетически возводятся к названиям монгольских племен и родов [13,

с. 173]. В последние годы в башкирском языкознании появились работы А. Г. Вахитовой посвященные башкирско-монгольским языковым связям на материале лексики [7].

Анализируя общие лексические единицы в башкирском и монгольском языках на примере текстов башкирского народного творчества, мы выделили несколько критериев, способствующих выявлению заимствований. Основным моментом является совпадение звуковой оболочки и семантики соответствующего башкирского слова с монгольским при условии отсутствия этого слова в древнетюркском, при ограниченном его распространении в современных тюркских языках, системе башкирских говоров и широком бытовании в монгольских языках. По итогам нашего исследования мы выделили следующий список башкирских и монгольских общих лексических единиц, встречающихся в текстах башкирского народного творчества, — это слова, обозначающие явления природы, метеорологические явления, гидрографические и орографические явления, части тела человека, животных, растений и т. д.

Первая лексико-семантическая группа — названия, обозначающие явления природы. Например, башкирское «боз» — монгольское «мес(ен)» (лед), башкирское «монар» (мгла, дымка, иней) — монгольское слово «манан» (туман), башкирское «көрт» — монгольское «хер» (сугроб), башкирское «кырау» — монгольское «хяруу» (иней), башкирское «буран» (буран, метель, буря) — монгольское «бороо(н)» (дождь), башкирское «кырпак» (кар) — монгольское «хармаг» (первый снег, пороша). Примеры из башкирских фольклорных текстов: *Йәш хәтер ташка язган, карт хәтер бозга язган* (букв. 'Молодая память на камне высечена, старая — на льду') [15, с. 351]; *Шар кар, боз һымак һыуык була. Шуга күрә лә уга «карбоз» тип исем бирәләр.* (букв. 'Шар был холодным, как снег и лед. Поэтому его называли «карбоз»' (кар (снег) + боз (лед) [6, с. 321]; *Кырпак кар төшөгә эзен югалта* (букв. К снежной пороше теряет след) [1, с. 210]; *Матур сәскәне кырау тиз ала* (букв. 'Красивые цветы заморозкам первыми поддаются') [15, с. 356].

Во вторую группу собрали названия гидрографических и орографических явлений. Например, башкирское слово «дала» — монгольское слово «тал(а)» (степь, поле), башкирское «туғай» (луг) — монгольское «токой» (локоть, часть руки от локтя до кисти; излуцина, изгиб, лука (реки), башкирское «уба» (холм, курган) — монгольское «овоо(н)» (груда, куча, курган), «обон» (возвышенность, насыпь), башкирское «диңгез» — монгольское «тэнгэс/тангис» (море), башкирское «тулкын» — монгольское «долгио(н)» (волна, вал), башкирское «үзән» (русло (реки), долина) — монгольское «уса(н)» (вода, река), башкирское «аклан» (поляна) — монгольское «аглаг» (безлюдное место, пустынная местность), башкирское «ер» — монгольское «шорой» (земля, почва), башкирское «кая» — монгольское «хад(ан)» (скала, утес), башкирское «тау» (гора) — монгольское «таг» (плоская вершина горы, плато) и др. Общие для тюркских и монгольских языков лексические единицы: башкирское «йылға» (река) — монгольское «жалга» (овраг, сухое русло), башкирское «тупрак» (почва, земля) — монгольское «тоброг/товрог» (пыль, прах). Примеры: *Донъя яратылгас та, кешеләр төрлө ерзә ил короп, йәшәй башлагандар* (букв. 'Когда

был создан мир, все люди в разных местах земли начали жить, построив свои государства») [4, с. 142]; *Тау каяһыз булмай, бөркөт ояһыз булмай* (букв. 'Нет горы без камня, нет орла без гнезда') [15, с. 169]; *Ир күрке — мал, үзән күрке — тал* (букв. 'Долину украшает ива, а мужчину — его скот'); *Тилегә диңгез тубыктан* (букв. Дураку море по колено) [15, с. 371]; *Үлемһез донъя юк, үтелгеһез йылга юк* (букв. 'Без смерти нет мира, нет реки, которую нельзя переплыть') [15, с. 521]; *Якшылык кылып диңгезгә ташлаһаң да кайтыр* (букв. 'Доброе дело, даже брошенное в море, вернется') [15, с. 280]; *Ерле халык элгәре ул тауға менергә курка (хәуефләһә) торгайны: томан эсенән кеше күзенә ниндәйзер имәнәс йән эйәләре күренер булган, ти. Бигерәктә ундагы Сарыкташ тигән кая кешеләрзе куркыуга һалган* (букв. 'Раньше местные жители боялись подниматься на эту гору: там, говорят, людям мерещилось что-то страшное. Страх на людей особенно наводила скала Сарыкташ') [6, с. 71].

В следующую группу мы отнесли лексические параллели, относящиеся к небесной сфере, которые этимологизируются по языковым данным обоих языков. Например, башкирское слово «күк» (небо) — монгольское «хех / хухэ» (синий, голубой, зеленый, серый; смуглый, темный (о цвете лица), башкирское «тәңре» (небо, всевышний) — монгольское «тэнгэр» (небо, небеса, гром, всевышний, бог) и др. Примеры из текстов народного творчества: *Якшы менән яман араһы — ер менән күк араһы* (букв. 'Между хорошим и плохим — расстояние от неба до земли') [15, с. 651]; *Бер күктә ике ай булмай, бер күңелдә ике мөхәббәт булмай* (букв. 'В одном небе не бывает две луны, одна душа не вмещает две любви') [15, с. 438]; *Тәңре уға бер уғыл биргән* (букв. 'Всевышний дал ему одного сына') [5, с. 207].

В четвертой группе мы собрали лексику, которая относится к названиям отрезков времени. Например, башкирское слово «сак» (время, пора) — монгольское «цаг» (период, время, срок); башкирское «иртә» — монгольское «эрт(эн)» (рано, ранний, раньше, утром), башкирское «йыл» — монгольское «жил» (год), башкирское «кис» (вечер) — монгольское «кечи» (раньше, давно), башкирское «төш» (полуденное время) — монгольское «дули» (середина (дня, ночи)), башкирское «төн» (ночь) — монгольское «туне» (темный). Приведем примеры из башкирского фольклора: *Иртә торгандың гүмере озон* (букв. 'Кто рано встает, тот долго живет') [15, с. 257]; *Яззың бер көнө йылды туйзыра* (букв. 'Один день весны год кормит') [15, с. 643]; *Уны кис менән сығып һызгыртһаң, пәрейзәр йыйылалар* (букв. 'Если выйдешь вечером и свистнешь, соберутся пэри') [5, с. 130]; *Кеше күңеле — караңгы төн* (букв. 'Душа человека — темная ночь') [15, с. 440]; *Шунан һуң ул, кистәрзән бер кис балаларын сыуал янына йыйнап алып, былай тип һөйләгән...* (букв. 'После этого в один из вечеров он собрал своих детей возле чучала и вот что сказал...') [6, с. 395]; *Төн уртакайында йүгереп сыктым, / Туганай, йөрәккәйгенәм, / Келәт бауы сылтыраганга* (букв. 'Выбежал в полночь, Туганай, душа моя, услышав звон амбарной веревки') [2, с. 237]; *Хан иртә менән вәзирен ебәрәп, Караса батырзарзы сәйгә сақыра* (букв. 'Хан рано с утра отправляет визиря пригласить Караса-батыра с друзьями на чай') [5, с. 131].

Пятая группа — это названия, относящиеся к анатомии человека и животных: башкирское слово «танау» (нос) — монгольское «танага» (носовая перегородка), башкирское «кабырға» — монгольское «хабирга» (ребро, бок), башкирское «һакал» — монгольское «сахал» (борода, усы), башкирское «бүтәгә» — монгольское «бетеге» (зоб птицы), башкирское «кауырһын» — монгольское «гуурс(ан)» (перо птичьё), башкирское «манлай» (лоб) — монгольское «магнай/манлай» (лоб, передовой, лучший, глава, вождь, головной), башкирское «койка» — монгольское «хуйх» (опаленная кожа), башкирское «арка» (спина, хребет) — монгольское «ар(а)» (спина, зад, задняя спина), башкирское «беләк» (предплечье) — монгольское «билэ» (запястье), башкирское «бил» — монгольское «бэлхуус» (талиа), башкирское «боғаз» (горло; глотка) — монгольское «богорла» (перерезать горло, задушить) (тюркское «богаз/богуз» (горло, глотка), башкирское «быуын» (сустав) — монгольское «бугуй» (предплечье), башкирское «йөз» (лицо, лик) — монгольское «зус(эн)» (вид, внешность) / монгольское «нуур» (лицо), башкирское «йөрәк» — монгольское «зурх(эн)» (сердце), башкирское «колак» (ухо) — монгольское «хулхи» (внутреннее ухо, ушная сера), башкирское «аяк» (нога) — монгольское «адаг» (конец, устье), башкирское «кыл» (конский волос, щетина, шерсть) — монгольское «хялгас(ан)» (конский волос), башкирское «мөгөз» (рог) — монгольское «мегеес(ен)» (хрящ), башкирское «тояк» — монгольское «туур/туурай» (копыто) и др. Примеры: *Маңлайына язған һак язьмыштан / Касып кына котолоп булмайзыр* (букв. 'От судьбы, что написана на лбу, не убежишь') [2, с. 207]; *Үзе бер карыш — һакалы мең карыш* (букв. 'Сам ростом в пядь, а борода в тысячу пядей') [1, с. 259]; *Карап торһалар, бына бер сак, ер тырнап үкереп, хандың ете йәшәр үгезе килеп сыға. Күзен кан баһсан, мөгөзө менән ерзе тишә, шул кәзәр ажарлана, күрһәң, котоң осорлок! Караса батыр килә лә, тегенең ике мөгөзөнән тотоп алып, өйрөлтөп-өйрөлтөп сөйөп ебәрә, үгез һарай аша дыңк итеп барып төшә* (букв. 'И вот однажды они увидели, как с диким ревом выбежал семилетний бык хана и землю копытами роет. Глаза у него залиты кровью, рогами землю пашет, сильно взбешен, увидишь — испугаешься! Подошел Караса-батыр и, взяв его за рога, два раза покрутил и подбросил вверх, бык пролетел через дворец и с грохотом упал') [5, с. 302]; *Талдан гына нескә билдәреңде / Талдырып-талдырып һөйгән дә йәр кайза* (букв. 'Где возлюбленный твой, который бы любил твою талию, которая тоньше ивы') [2, с. 56]; *Урал батыр тау башында озак торманы, ти: кесәһенән теге өс бөртөк кылды алып өтөүе булды — Акбузаттың каршыға тып итеп килеп баһыуы булды, ти* (букв. 'Урал-батыр долго не стоял на этой горе: как только он сжег три конских волоса, Акбузат прискакал к нему') [5, с. 167]; *Борон-борон борондан / Кеше мазар булмаған, / Килеп аяк баһмаған, / Ул тирәлә коро ер / Барлығын һис бер кем белмәгән, / Дүрт яғын диңгез уратқан / Булған, ти, бер урын* (букв. 'В древнюю пору, давным-давно, было, говорят, место одно, куда никто не ступал ногой. И на целом свете никто не знал, не ведал о суше той. С четырех сторон обступала это место морская вода') [3, с. 24]; *Йөз картайһа ла, йөрәк картаймаһын* (букв. 'Если даже лицо стареет, пусть сердце не стареет') [15, с. 260]; *Ашағанда*

колагың һелкенһен, эшләгәндә йөрәгең елкенһен (букв. 'Когда ешь, пусть уши шевелятся; когда работаешь, пусть сердце рвется') [15, с. 89]; *Ауыр эшкә беләк бар, кыйыу эшкә йөрәк бар* (букв. 'Для тяжелой работы есть руки, для опасной (рискованной) работы есть сердце') [15, с. 178]; *Ата үлеу — арка һыныу, инә үлеу — бәгер итең һулыу* (букв. 'Смерть отца ломает спину, смерть матери убивает сердце') [15, с. 202].

Следующая лексическая группа — это названия частей растений: башкирское слово «ағас» (дерево) — монгольское «агч» (клен), башкирское «ботак» (ветвь) — монгольское «бута» (кустарник, заросли), «бут» (куст, заросль), башкирское «емеш» (плод, фрукт) — монгольское «жиме» (плод, плоды, фрукты), башкирское «кыяк» (лист злаковых и травянистых растений) — монгольское «хияг» (вострец, пырей), башкирское «орлок» — монгольское «ур» (семя), башкирское «сәскә» — монгольское «цэцэг» (цветок, соцветие), башкирское «үлән» (трава) — монгольское «епен(г)» (осока), башкирское «һабак» (стебель, ботва) — монгольское «саваа» (палка, прут), башкирское «борсак» — монгольское «бурцаг» (горох, горошина), башкирское «тары» (просо) — монгольское «тариа(н)» (хлеб, зерно, урожай) и др. Примеры: *Зур ағастың күләгәһе лә киң* (букв. 'У большого дерева и тень большая') [15, с. 49]; *Емеште аша, ботагың һындырма* (букв. 'Плоды кушай, но ветку не ломай') [15, с. 197]; *Сәскәһе койолғас емеше булыр* (букв. 'Как выпадут цветы, появятся плоды') [15, с. 197]; *Орлогона күрә емеше* (букв. 'Каково семя, таков и плод') [15, с. 197]; *Балтырғаны беләктәй, / Һарнаһы курай еләктәй, / Йылғалары көмөштәй, / Борсагы тәмле емештәй, / Уралтау, Уралтау!* (букв. 'Где борщевик (толщиной) в руку, где саранка, как малина, где реки, как серебро, где горох вкусен, как ягоды, Уралтау, Уралтау!') [3, с. 244]; *Бер тарынан бутка булмай* (букв. 'Из одного зернышка каши не сварить') [15, с. 77]; *Көнбагыш һабагы менән һатылмай* (букв. 'Подсолнух со стеблем не продают') [15, с. 571], *Ағас та үз нәселен үз тирәһенә йыя* (букв. 'И дерево собирает свой род вокруг себя') [4, с. 87].

Таким образом, многосторонние контакты башкирского народа с другими наложили отпечаток и на язык фольклора. Язык и стиль произведений башкирского народного творчества свидетельствуют о богатстве и разнообразии его лексического фонда, включающего в себя всю совокупность средств башкирского языка, в том числе и заимствованных. В данной работе исследуя лексический состав башкирского фольклора, мы внимание уделяли отражению башкирско-монгольских языковых связей в текстах народного творчества. История языка тесно связана с историей народа — носителя данного языка. Проблема сравнительно-исторического изучения лексики, общей для башкирского и монгольского языков, заслуживает особого внимания и требует дальнейшего развития.

Литература

1. Надршина Ф. А. Башкорт халык ижады. IX том. Йомактар. Өфө; Китап, 2007. 416 б. = Башкирское народное творчество / гл. ред. Ф. Г. Хисамитдинова. IX том. Загадки. Уфа; Китап, 2007. 416 с.
2. Башкорт халык ижады. Бәйеттәр. Йырзар. Такмактар. Өфө. Башкортостан китап нәшриәте, 1981. 392 б. = Башкирское народное творчество. Песни, частушки / сост. М. М. Сагитов; гл. ред. К. Мэргэн.
3. Башкорт халык ижады. Эпос. III китап. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1982. 344 б. = Башкирское народное творчество. Эпос / гл. ред. Г. Б. Хусаинов.
4. Мингажетдинов М. Х. Башкорт халык ижады. Өкиәттәр. II китап. Тылсымлы героик әкиәттәр. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1976. 344 б. = Башкирское народное творчество. Волшебные героические сказки
5. Башкорт халык ижады. Өкиәттәр. III китап. Батырзар тураһындағы әкиәттәр. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1978. 352 б. = Башкирское народное творчество. Сказки о богатырях / гл. ред. Г. Б. Хусаинов.
6. Надршина Ф. А. Башкорт халык риуәйәттәре һәм легендалары. Автор төзөүсе Ф. А. Нәзершина. Өфө: Башкортостан “Китап” нәшриәте, 2001. 468б. = Башкирское народное творчество. Легенды и предания.
7. Вахитова А. Г. Башкирско-монгольские языковые связи (на материале лексики). Уфа: Гилем, 2009. 216 с.
8. Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка М.: Наука, 1986. 149 с.
9. Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1972. 151 с.
10. Киекбаев Дж. Г. Лексика и фразеология современного башкирского языка. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1966. 275 с.
11. Киекбаев Дж. Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. Уфа: Китап, 1996. 354 с.
12. Кульсарина Г. Г. Национальная языковая картина мира в текстах башкирского фольклора: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. 356 с.
13. Максютова Н. Х. Восточной диалект башкирского языка. М.: Наука, 1976. 292 с.
14. Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 140 с.
15. Әхтәмов М. Х. Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. Өфө: Китап, 2008. 774 б.

REFLECTION OF BASHKIR-MONGOL LANGUAGE RELATIONS
IN THE LEXIC OF BASHKIR FOLKLORE

© *Gulnur G. Kulsarina*

doctor of Sciences in Philology, senior researcher at the Department of linguistics of the Institute of history, language and literature of the Federal state budgetary scientific institution Ufa Federal research center of the Russian Academy of Sciences
71 Oktyabrya Prospekt, Ufa, 450054, Russia
kulsarina.g@mail.ru

Abstract. The vocabulary fund of folklore texts is rich and diverse. It includes the entire set of means of the Bashkir language, including dialectal and borrowed ones. A large

layer of vocabulary of folklore works are, of course, common words in their direct meaning, which are actively used both in oral and written speech. Neutral words and expressions help to make folklore texts comprehensible and genuinely popular. At the same time, dialectisms, phraseological units, mythologisms and borrowings that create a unique style and poetics of a folklore work are actively used in folk texts. Throughout the history of its existence, the contacts of the Turkic languages with other languages of the world have led to the enrichment of the vocabulary of languages through borrowings and tracing. The Bashkir language is no exception. In our work, we consider the reflection of Bashkir-Mongolian linguistic ties in the language of texts of Bashkir folk art, based on the semantic category we have classified them.

Keywords: Bashkir-Mongolian parallels, Mongolisms, Bashkir folk art, etymology, ethno-linguistics.

Статья поступила в редакцию 26.10.2020; одобрена после рецензирования 25.11.2020; принята к публикации 24.12.2020.